

Исаев Дмитрий Петрович

ТВОРЧЕСКОЕ "КРЕДО" ИСТОРИКА П. П. СМИРНОВА

В статье на основе источников личного происхождения раскрываются особенности творческого облика историка П. П. Смирнова (1882-1947). Внимание в современных историографических исследованиях к социокультурному контексту обуславливает изучение "внеаучных" компонентов знания, прямо или опосредованно влияющих на конечный результат. Реконструкция таких аспектов жизненного мира П. П. Смирнова как отношение к "ремеслу" историка, организационные способности, преподавательская деятельность, полемический характер позволяет, в конечном счете, понять природу профессиональных интересов ученого, оригинальность его работ, тональность выступлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 83-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

11. **Иванов Ф. Н.** Размещение рекрутских присутствий на Европейском Севере России в 1831-1874 гг. // Двинская земля: материалы 8-х межрегион. обществ.-научных истор.-краеведч. Стефановских чтений (16-17 марта 2013 года). Котлас, 2015. Вып. 8. С. 29-35.
12. **Иванов Ф. Н.** Формирование региональной сети рекрутских присутствий в Российской империи XVIII-XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-69.
13. **К.-К.** Рекрутские комитеты и рекрутские присутствия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 26^А.
14. **Лесков А. Н.** Жизнь Николая Лескова: по его личным семейным и несемейным записям и памятям: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 479 с.
15. **Лесков Н. С.** Несколько слов о врачах рекрутских присутствий [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/leskov_nikolay/stati.html#2741677 (дата обращения: 08.03.2016).
16. **Наставление Медицинским Чиновникам, в Рекрутские Присутствия к приему рекрут отряжаемым, № 4677 // ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI.
17. **Национальный архив Республики Коми (НАРК).** Ф. 275. Оп. 1.
18. **О наблюдении за телесною чистотою представляемых в Рекрутские Присутствия людей. Циркулярные предписания Г. Министра Внутренних Дел, на имя Г. Начальника Губернии // Вологодские губернские ведомости.** 1844. № 3.

WORK OF MEDICAL FUNCTIONARIES IN THE STRUCTURE OF RECRUITING OFFICES IN 1831-1874

Ivanov Fedor Nikolaevich, Ph. D. in History
Ivanova Anna Nikolaevna
Syktuykar State University named after Pitirim Sorokin
fedor-ivanoff@mail.ru

The article examines the activity of medical functionaries in the structure of recruiting offices while conducting recruitment in Russia in 1831-1874. Relying on the analysis of legislative acts the paper shows the change of the status and functions of medical bureaucrats – the members of recruiting offices. The study concludes that within the framework of the existed legislation, which from 1834 reduced medical officers' functions to expert opinion submission, medical bureaucrats still could participate in decision-making regarding the suitability for military service of people under examination.

Key words and phrases: recruiting duty; recruiting offices; examining recruits; medical functionaries; Recruitment Regulations.

УДК 929/930.1

Исторические науки и археология

В статье на основе источников личного происхождения раскрываются особенности творческого облика историка П. П. Смирнова (1882-1947). Внимание в современных историографических исследованиях к социокультурному контексту обуславливает изучение «внеаучных» компонентов знания, прямо или опосредованно влияющих на конечный результат. Реконструкция таких аспектов жизненного мира П. П. Смирнова как отношение к «ремеслу» историка, организационные способности, преподавательская деятельность, полемический характер позволяет, в конечном счете, понять природу профессиональных интересов ученого, оригинальность его работ, тональность выступлений.

Ключевые слова и фразы: П. П. Смирнов; источники личного происхождения; жизненный мир; творческий стиль; преподавание.

Исаев Дмитрий Петрович, к.и.н.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
dpisaev@sfedu.ru

ТВОРЧЕСКОЕ «КРЕДО» ИСТОРИКА П. П. СМИРНОВА

Современные трансформации в научном поле, обусловленные признанием социальной (и культурной) детерминации субъекта познания, ориентируют на повышенное внимание к так называемому «внеаучному» компоненту научного знания. Будучи весьма разнообразным, он оказывает во многом определяющее воздействие на то, что мы называем приращением научного знания. Как справедливо указывает Н. Н. Алеврас, принцип современной историографии «ориентирует ученого-историографа на изучение контекста жизнедеятельности научного сообщества и каждого его представителя для понимания мотиваций создания труда и условий формирования научного замысла» [1, с. 47]. Иначе говоря, произошедший в науке поворот от контекста открытия знания (в виде научных результатов) к контексту его обоснования (условия получения и последующее включение в коммуникативное пространство) диктует обращение к жизненному пространству ученого, научным связям, непосредственно и опосредованно влияющим на направленность исследований, акцентировку поиска и т.д. Данное положение вещей требует как расширения источниковой базы историко-научных реконструкций, так и теоретико-методологической рефлексии по поводу ее информационного потенциала. Традиционно

историческая реконструкция научного поиска, формирования научного знания опиралась на те историографические источники, в которых были зафиксированы эти самые достижения: монографии, статьи, рецензии и др. Привлечение источников личного происхождения рассматривалось здесь как дополнительная процедура, вносящая колоритные штрихи к портрету ученого. И их значение ограничивалось тем, что они добавляли интересные детали к творческому процессу, но не более того. Очевидно, что сегодня статус этих документов в исследованиях существенно повысился, позволяя выявлять «внеаучный» элемент появления научного знания.

В данной работе объектом исследования является творческий облик П. П. Смирнова (1882-1947), российского, затем советского историка, видного специалиста по истории городов средневековой истории России. Как исследователь Смирнов сформировался в Киевском университете, будучи учеником знаменитого М. В. Довнар-Запольского. Магистерскую диссертацию, посвященную городам Московского государства первой половины XVII в., защитил в 1919 г. В 20-е – начале 30-х гг. историк переживает два ареста. Далее, жизнь и работа в Ташкенте, преподавание в Средне-Азиатском государственном университете. Последние десять лет жизни были связаны с Москвой, с Историко-архивным институтом. Необходимо отметить, что и в самые тяжелые годы П. П. Смирнов, ученый с достаточно широкими интересами, вел интенсивную научную деятельность. Его самая масштабная работа о посадских людях в XVII в. вышла уже после смерти автора.

Анализу его творчества в отечественной историографии было уделено не так много внимания. Объяснить в некоторой степени это обстоятельство можно относительно малым количеством публикаций историка. Хотя архивное наследие Смирнова весьма внушительное [3]. В последние десятилетия интерес к работам и личности историка растет. Выходят работы В. А. Волкова [2], Н. А. Коломиец [6], А. Л. Юрганова [12] и др. На повестке дня стоят вопросы публикации архивных материалов, монографического изучения жизни и творчества профессора Смирнова. Кроме того, как указывалось, изменившаяся историографическая ситуация открывает новые грани для изучения и того социокультурного контекста, в котором жил и творил ученый.

В качестве источников нами преимущественно используются материалы личного происхождения: воспоминания, переписка. Их значение состоит в том, что они позволяют воссоздать неповторимую атмосферу жизненного мира ученого, научного поиска, а также объяснить стилистику написанных и опубликованных исследований, тональность дискуссионных выступлений. В первую очередь среди них следует выделить неопубликованные воспоминания жены Павла Петровича С. В. Смирновой – «Жизнь Павла Петровича Смирнова (1882-1947)», написанные в первой половине 1950-х гг. Данные мемуары, хранящиеся в ОР РГБ, в значительной степени основаны на переписке между Павлом Петровичем и Софьей Васильевной во время расставаний. И эти письма органично вплетены в ткань повествования, существенно укрепляя его документальную основу. Таким образом, мы имеем дело с синтезированным текстом, где сами воспоминания, в том числе, играют роль определенного комментария к эпистолярному комплексу.

В тексте мы сталкиваемся с определенным образом, который основан на субъективных впечатлениях. Это нельзя назвать недостатком, поскольку жизненный мир человека, его восприятие собственного прошлого и прошлого ближнего является самоценным для исследователя. Подробно описывается быт, научная и педагогическая деятельность П. П. Смирнова. Частично автор воспоминаний касается общественной жизни, например, в Киеве в годы гражданской войны, пишет о распространении фашизма в Европе, освещает главные события второй мировой войны. Острые темы, например, связанные с политическими взглядами историка, не затрагиваются (видимо, сказалось время, в которое писались мемуары). Итак, остановимся на отдельных сюжетах, как представляется, в наибольшей степени характеризующих Смирнова как личность, а также позволяющих понять природу его научных интересов.

П. П. Смирнов страстно любил науку. И, что вполне естественно, предъявлял определенные требования к «историческому ремеслу». Весьма показательным его отношение к методам работы своего киевского коллеги Е. Д. Сташевского. Ровесник Павла Петровича, Сташевский, занимаясь у М. В. Довнар-Запольского XVII веком, зарекомендовал себя нечистоплотным исследователем. По словам С. И. Михальченко, «Сташевский не брезговал обширными текстуральными заимствованиями у других авторов, при этом на них не ссылаясь. Сноски же на архивные источники не всегда соответствовали реальным делам и фондам» [8, с. 147]. Свое недвусмысленное отношение к подобному рода «упражнениям» Смирнов выразил в критическом отзыве на магистерскую диссертацию Сташевского, защищенную в 1913 г. [Там же, с. 148]. Затем в письме С. Б. Веселовскому историк укажет, что «книга Е. Д. Сташевского – не плод научной работы, а наспех сшитая диссертация, против которой, как диссертации, я ничего не имею, но нужно, чтобы Е. Д. запомнил, что так диссертаций не пишут» [9, с. 313]. Когда же возникло «дело профессора Сташевского» о пропаже архивных документов, то Смирнов был одним из тех, кто настаивал на виновности нечистого на руку историка [8].

О том, что это негодование абсолютно искреннее, свидетельствуют слова Смирнова, которые мы находим уже в письме жене в 1913 г. Говоря о переживаемых трудностях, он обмолвился, что «если только сможем существовать, мы подождем пускать в оборот свою диссертацию, она от этого только выиграет, как арбуз на солнце, это выгоднее и почетнее» [10, д. 22, л. 13]. Кстати, местоимение «мы» здесь, как представляется, обронено автором неслучайно. Очевидно, что свое авторство историк делит с женой. Это доказывается и теми местами из воспоминаний Софьи Васильевны, где она описывает свою немалую помощь мужу во время совместных поездок в московские архивы. И сам ученый, вынужденный впоследствии отправиться туда в одиночку, с сожалением вспоминал о том ее содействии [Там же].

В одном месте своих мемуаров С. В. Смирнова записала, что при ближайшем знакомстве с Павлом Петровичем (поженились они в 1912 г.) она «поняла, что суть его жизни – это его научная работа, его “Города”, это его заветное дело, которому он отдавал все свое свободное время, уходя в века» [Там же]. И к этой мысли автор еще не раз возвращается, сетуя, что «при других, нормальных условиях, сколько бы он мог сделать,

и написать» [Там же, л. 73]. Такого человека должна была отличать огромная работоспособность, которую Смирнов выработал еще со времен учебы в гимназии. Именно тогда он стал давать уроки, чтобы материально помочь семье. Привычка никогда не отказываться ни от какой работы была выработана им еще в юности [Там же, л. 5]. На протяжении всей своей жизни ученый, если сколько-нибудь позволяли условия, целыми днями занимался, писал, печатал, готовился к лекциям. Софья Васильевна приводит характерный эпизод: как-то майским утром 1919 г. «Паня шутя начал мне перечислять свои занятия, сам удивляясь их количеству:

1. Я читаю лекции в Ун-те,
2. на Высших женских курсах,
3. в народном Ун-те,
4. юридическом институте.
5. Я председатель хозяйственной комиссии Ун-та...
6. Товарищ пред-ля комиссии, заведующей архивами всех Киевских Монастырей.
7. Декан Народного Юридического Факультета.
8. Секретарь Нестора-летописца + Заведующий Нумизматическим кабинетом.
9. Да еще дома пишу,
10. да еще тебе делаю всякие дела, и мы оба смеялись, не понимая, как он успевает все это делать»

[Там же, л. 23].

Данной своей сущности Смирнов не изменил и во время первого своего заключения в 1923-1927 гг., благо, что условия позволяли делать это. Одно время он даже заведовал тюремной библиотекой. Тогда историк читал лекции, писал статьи, а жена только успевала доставать ему разные материалы [Там же, л. 41]. Второй арест с этой точки зрения был тяжелее. Как писал арестант в одном из писем в 1931 г., «писать научно пока не возможно, – ни матерьяла нет, да и не пойдет» [Там же, л. 66].

После освобождения, в нормальных условиях работы, Павел Петрович, уже немолодой исследователь, взвинчивает свой распорядок до поразительного ритма. В Ташкенте, куда семья переехала в 1927 г., «его всюду выбирают, на всех собраниях он председательствует. Работоспособность его поразительна» [Там же, л. 60]. По привычке юности, историк мог заниматься, не отрываясь, два дня подряд, и только на третий нужен был отдых. Естественным образом, не до отдыха ученому было во время войны. Помимо исполнения обязанностей директора института, он готовит свою докторскую диссертацию о посадских людях, защищенную в 1942 г.

Подобный бешеный ритм деятельности рано или поздно должен был сказаться на здоровье ученого. Все чаще он чувствует переутомление, недомогание. Таким состоянием были омрачены послевоенные годы, ставшие последними годами его жизни. Встал вопрос об облегчении нагрузки [Там же, л. 120]. Тем не менее, распорядок дня П. П. Смирнова до самого последнего времени оставался жестким. Как вспоминала его жена, «Павел Петрович вставал в шесть часов утра, в восемь с половиной он уже читал лекцию в Институте. В 12 дня приходил домой, но в три часа уходил снова на “студенческий кружок”. В пять туда за ним приезжал автомобиль и вез его читать лекцию офицерам... Привозили его домой в 9 вечера...» [Там же, л. 125].

На страницах воспоминаний Смирнов предстает человеком с несомненными организаторскими способностями, постоянно охваченным какой-либо деятельностью. Например, во время эвакуации из Киева в Саратов во время первой мировой войны историк там организует студенческие экскурсии [Там же, л. 16]. Неизменно водил экскурсии ученый по подмосковным местам, уже работая в Историко-архивном институте. И во время войны посещал со студентами Исторический музей [Там же, л. 88].

В 1917 г. после отречения Николая II Смирнова совершенно поглощает общественная работа. Как пишет С. В. Смирнова, «не умолкая говорил на всяких собраниях месяца два...» [Там же, л. 17]. А с приходом к власти большевиков он был выбран председателем хозяйственной комиссии университета, охраняя от расхищения имущество [Там же, л. 22]. Чуть позднее ученый заседал и в комиссии по выяснению основательности претензий Польши на культурные ценности Киева, подлежащие выдаче на основании Рижского договора [Там же, л. 36]. Выдающимся организатором Павел Петрович проявил себя и во время войны. Именно благодаря его усилиям Историко-архивный институт после краткого периода ликвидации был восстановлен, занятия возобновились.

Нужно сказать, что Смирнова серьезно волновала проблема осознания масштаба собственной личности. Воспоминания его жены дают основания говорить о следующем: вплоть до переезда в столицу в 1938 г. ученый испытывал определенный дискомфорт из-за несовпадения ощущения им своей собственной величины как исследователя и занимаемым статусом провинциального профессора. Так, еще перед первой мировой войной был поставлен вопрос о переезде в Москву. В письме С. Б. Веселовскому Павел Петрович объяснял его так: «ради постоянной работы в архивах» [9, с. 296]. Предполагаем, что вместе с тем он думал и о других последствиях переезда – вхождение в круг московской научной элиты, например, поскольку была обронена и фраза «узнав людей и показав себя». Переезд, однако, не состоялся, и позднее Софья Васильевна укоряла себя за то, что она настояла остаться: «Только потом я поняла, какая это была огромная моя ошибка и вина. Возможно, что вся наша жизнь сложилась бы в Москве совсем иначе, и не было бы целых 15-ти лет потерянных для научной работы» [10, д. 22, л. 28].

Определенную разгадку о переживаемом диссонансе дает и переписка 1937-38 гг. между мужем и женой. В ней вновь затрагивается застарелая проблема. Из письма Смирнова: «был у Веселовского, он зовет меня в Москву... Знаешь, меня потянуло остаться здесь. Я буду научно работать, да и преподавание мне дадут, когда со мной познакомятся. Так-же смотрит и Сперанский (*Анатолій Николаевич – Д. И.*). Старые ученые историки работают. Власть к ним внимательна, и никакой трясухи, как у нас, нет» [Там же, л. 77]. Когда же возник вопрос об окончательном переезде в столицу, Смирнова отвечает: «у меня большая вера в тебя, окружающие скоро увидят настоящий твой удельный вес. В глуши ты наголодался за ученой атмосферой,

и у тебя накопился большой запас всего». И в начале 1938 г. Смирнов снова пишет письмо, в котором чувствуется перемена настроения – меняется самоощущение, сбывается то, о чем долго мечтал: «ты видишь, что здесь меня признают и знают... Я очень доволен, что уехал» [Там же, л. 81].

Жизненное пространство П. П. Смирнова прочно занимало наряду с исследовательской работой и преподавание. Несомненно, он был ярким лектором. Его лекции навсегда запомнились студентам Историко-архивного и педагогического институтов. Данному искусству историк стал учиться еще в начале своего педагогического пути. И в общении с коллегами неизменно обращал внимание на эту проблему. Так, в письме к Веселовскому в 1911 г. Смирнов отмечал, что одна из его лекций вышла «тяжеловатой благодаря архивному материалу, который не легко... укладывать в популярную форму...» [9, с. 299-300]. В одном из писем к Софье Васильевне в 1912 г. он пишет, что под впечатлением прослушанных лекций одного ученого понял, что «не умею читать и делаю разные жесты, это плохо» [10, д. 22, л. 11]. В мемуарах Смирнова отмечает, что спустя год лекции мужа становятся все лучше. Гораздо позднее сам лектор писал из Ташкента Веселовскому: «читаю вполне удовлетворительно и при окончании курса... был удостоен оваации» [9, с. 341].

Уже говоря о зрелом периоде творчества исследователя, С. В. Смирнова специально остановилась на специфике его лекций: «он в своих лекциях наваливается всей тяжестью на слушателей и вначале для них труден и тяжел, заставляя все время думать, но когда они с ним освоятся и начнут его понимать, то приходят в восхищение, он будит мысль, не давая готовых выводов, но ожидая их от слушателей» [10, д. 22, л. 57]. Это, впрочем, подтверждают и сами ученики. Как вспоминала его аспирантка С. П. Первова, «он заставлял нас самих работать и приходил к нему с готовым суждением... всегда спрашивал: “Ну, а какой вывод Вы смогли сделать?”» [Цит. по: 5, с. 245]. О замечательных лекциях Смирнова говорили многие студенты. В текст мемуаров Софьи Васильевны включена запись одной из слушательниц института о самой ее первой лекции, которую прочитал Павел Петрович: «Вступительное слово, с пожеланием на будущее, а потом пошла речь о далекой, далекой старине. Аудитория замерла, и мы, вчерашние школьники, затаив дыхание, и забыв, что нужно записывать, только слушали и слушали...» [10, д. 22, л. 86].

При этом лекции историка нельзя назвать, что ли, «стерильными». Н. А. Ковальчук отмечает интересную черту Смирнова: он легко увлекался, далеко выходил за рамки программы. «Когда ловил себя на этом, смущенно умолкал и улыбался, как бы прося прощения за свою слабость», – вспоминает бывшая студентка [4]. На подобные вещи указывали и другие. По словам А. А. Савич, «у меня сложилось глубокое убеждение, что он творил в процессе чтения. Я сужу об этом по тому, что он иногда подыскивал нужную для него фразу, иногда его мысль не поспевала за формулировкой» [Цит. по: 5, с. 244].

Подобная импульсивность П. П. Смирнова выражалась не только в этом. Будучи человеком неробкого десятка, еще в студенческие годы он за свою активную общественную деятельность попал в «неблагонадежные» [10, д. 22, л. 6]. И этот ярлык висел на нем несколько лет. Не изменил своим принципам ученый и в дальнейшем. Особенно это воспринимается на фоне сталинской эпохи. Примечателен один эпизод. Как вспоминал Б. Г. Литвак, однажды на заседании студенческого кружка Смирнов, возмущившийся докладом об Иване Грозном, выполненным в духе восхваления тирана, эмоционально заявил студентам: «Вы будущие историки и должны знать, что, как правило, за редким исключением, на вершину власти добирается не самый талантливый, далеко не честный и порядочный» [7, с. 22].

Смелость характера сочеталась со смелостью творческой мысли. О Смирнове стоит говорить как об ученом полемического склада. «Все его работы отличали дерзание, способность ставить острые вопросы». Увлекающаяся его натура обнаруживается еще на заре научной деятельности. В 1908 г. он писал своей будущей жене: «раз захваченное во мне уже крепко сидит, не выкуришь никак» [10, д. 22, л. 8]. Думаю, что это во многом объясняет характер участия Смирнова в диспутах, вообще самостоятельность мышления ученого. Что проявилось уже в его ранних работах. Так, в докладе о В. О. Ключевском, прочитанном в 1911 г., автор резко подчеркивал отличия недавно умершего историка от представителей государственной школы [11].

Показательно также самоощущение историка после одного спора по его выступлению. В начале 1938 г. он пишет жене, остававшейся тогда в Ташкенте: «мой доклад о происхождении Руссов прошел неудачно. Меня сильно поругали, но я не чувствовал себя пораженным, от этого мои мозги прояснились, теперь я лучше напишу» [10, д. 22, л. 82]. Видно, что признаваться в ошибках Смирнов не собирался.

Самостоятельность взгляда Павла Петровича проявилась отчетливо и год спустя, во время дискуссии о природе общественного строя Киевской Руси. Как вспоминала Софья Васильевна, именно тогда он приобрел себе непримиримых научных противников [Там же, л. 88]. С тех пор путь в АН СССР ему был заказан. И труд, обосновывающий точку зрения о рабовладельческом строе на Руси, он так и не смог опубликовать. В архиве хранится статья «Рабовладельческая формация в древней Руси». Отголоски данного события слышались и позднее. Смирнова писала, что С. В. Бахрушин воспрепятствовал печатанию статьи историка о холмской войне в Древней Руси как противоречащей общепринятому установленному взгляду [Там же, л. 120].

В 1946 г. в журнале «Вопросы истории» выходит статья Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.», вызвавшая неоднозначную полемику, обвинения в адрес автора. Как вспоминала сама Смирнова, «все это огорчало и волновало Павла Петровича, но он не сдавался и обдумывал новые доказательства и подтверждения своего положения» [Там же, л. 123]. И действительно, ученый подготовил, но не успел опубликовать статью – ответ своим критикам, в которой старался последовательно отстаивать свою позицию.

Таким образом, воспоминания современников, переписка содержат богатый материал, позволяющий реконструировать личностные характеристики, творческий стиль П. П. Смирнова. Характерные зарисовки, краткие замечания позволяют в определенных случаях объяснять контекст появления новых работ, их тоналность как реакцию на признание/неприятие со стороны коллег. Полемическая натура, самостоятельность

во взглядах порождали у ученого оригинальные концепции, исследования, в которых неизменно ставились дискуссионные, даже острые вопросы. Этому способствовала и сама эпоха, поставившая на повестку дня выработку нового канона в исторической науке. Богатое творческое наследие свидетельствует об отклике ученого на актуальные вызовы современности.

Список литературы

1. **Алеврас Н. Н.** Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 41-54.
2. **Волков В. А.** История России первой половины XVII в. в неопубликованных трудах П. П. Смирнова (по материалам НИОР РГБ) // Записки отдела рукописей / РГБ. М.: Пашков Дом, 2004. Вып. 52. С. 595-603.
3. **Дубровский А. М.** Неопубликованные работы П. П. Смирнова в ОР ГБЛ // Археографический ежегодник за 1988 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1989. С. 228-234.
4. «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: воспоминания **Н. А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940-1947)** [Электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2003. № 4. URL: <http://portal.rusarchives.ru/publication/kovalchuk.shtml> (дата обращения: 10.04.2016).
5. **Козлов В. Ф.** Материалы заседания ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова // Археографический ежегодник за 1980 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1981. С. 243-247.
6. **Коломиец Н. А.** Павло Петрович Смирнов – историк та педагог: автореф. дисс. ... к.и.н. Киев, 2008. 16 с.
7. **Литвак Б. Г.** Урок сопротивления сталинской школе фальсификации. П. П. Смирнов об Иване Грозном и Штадене // Штаден Г. Записки о Московии: в 2-х т. М.: Древлехранилище, 2009. Т. 2. С. 21-22.
8. **Михальченко С. И.** Киевская школа в российской историографии. М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. 228 с.
9. **Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками.** М.: Древлехранилище, 2001. 528 с.
10. **Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ).** Ф. 279. Карт. 37.
11. **Смирнов П. В. О.** Ключевский // Военно-исторический вестник. Киев, 1912. Кн. 2. С. 65-77.
12. **Юрганов А. Л.** Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

THE HISTORIAN P. P. SMIRNOV'S CREATIVE "CREDO"

Isaev Dmitrii Petrovich, Ph. D. in History
Southern Federal University in Rostov-on Don
dpisaev@sfedu.ru

On the basis of personal sources the author reveals the features of the creative image of the historian P. P. Smirnov (1882-1947). Attention paid to sociocultural context in modern historiographical researches stipulates the study of the "non-scientific" components of knowledge directly or indirectly affecting the final result. The reconstruction of such aspects of P. P. Smirnov's life world as attitude to the "craft" of a historian, organizational skills, teaching activity, and polemical nature allows, ultimately, understanding the nature of the scientist's professional interests, the originality of his works, and the style of his speeches.

Key words and phrases: P. P. Smirnov; personal sources; life world; creative style; teaching.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье на архивном и нормативном материале рассматриваются проблемы правового положения депортированных чеченцев во второй половине 1940-х гг. Анализируется режим организации спецпоселения, его влияние на возможности адаптации депортированных чеченцев. Рассматриваются пределы реализации прав и свобод человека применительно к контингенту спецпоселений. Приводимые автором факты показывают вынужденный характер спецпоселенческой системы и существование значительных административных барьеров на пути к социализации спецпереселенцев из Северного Кавказа. Делается вывод, что права спецпереселенцев носили декларативный характер. Отмечается положительная историческая роль трудящихся-спецпереселенцев в экономике региона-спецпоселения.

Ключевые слова и фразы: депортация; социализация; спецпереселенцы; спецпоселение; спецкомендатура; правовое положение; чеченцы.

Исакиева Зулай Сулимовна

Чеченский государственный университет
Zulai-787@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ, ДЕПОРТИРОВАННЫХ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН В 1940-Е ГГ.

Современное российское общество нуждается в объективном познании огромного исторического опыта, накопленного предшествующими поколениями. Его анализ позволяет конкретнее и точнее избрать верные